

Олдос Хаксли

Двери восприятия

Copyright: Aldous Huxley. Doors of perception

www.incunabula.ru

В 1886 году немецкий фармаколог Людвиг Левин опубликовал первое систематическое исследование кактуса, которому впоследствии было дано его имя, Anhalonium Lewinii для науки оказался новинкой. Для первобытных же верований и индейцев Мексики и юго-востока Америки он с незапамятных времен являлся другом. По словам одного из испанцев, первыми посетивших Новый Свет, "там едят корень, который называется пейотлем, и который там почитают как божество".

Почему его почитали как божество стало ясно, когда такие известные психологи, как Иенш, Хэвлок Эллис и Виер Митчелл, начали эксперименты с мескалином - активной составляющей пейотля. По правде говоря, они остановились, не далеко уйдя от идолопоклонства. Но все они сошлись во мнении, что мескалин занимает место среди самых уникальных наркотиков. Назначаемый в соответствующих дозах, он наиболее глубоко изменяет свойства сознания, но однако менее токсичен, чем любое вещество из справочника фармаколога.

Изучение мескалина спорадически продолжалось и после работ Левина и Хэвлока Эллиса. Химики не просто выделили этот алкалоид: они научились его синтезировать, так что его запасы более не зависели от незначительного и непостоянного урожая этого растущего в пустыне кактуса. Психиатры сами принимали определенные дозы мескалина в надежде приблизиться к непосредственному пониманию ментальных процессов у своих пациентов.

Несмотря на то, что работа производилась с небольшим числом объектов наблюдения и в узких событийных рамках, психологии все же пронаблюдали и классифицировали наиболее потрясающие эффекты, производимые этим наркотиком. Неврологи и физиологи раскрыли некоторые механизмы его воздействия на центральную нервную систему, и, по крайней мере, один философ-профессионал принял мескалин и для того, чтобы пролить свет на такие древние и еще неразгаданные загадки, как место разума в природе и взаимоотношения между мозгом и сознанием.

Эти вопросы оставались тайной до тех пор, пока - два или три года назад - не был зафиксирован один весьма существенный факт.

В действительности, этот факт являлся очевидным для всех в течение нескольких десятилетий. Но так получилось, что его никто не замечал до тех пор, пока один молодой английский психиатр, ныне работающий в Канаде, не был поражен близким сходством в химических формулах мескалина и адреналина. Дальнейшие исследования открыли, что лизергиновая кислота - крайне сильный галлюциноген, получаемый из спорыньи, биохимически им родственна. Затем было обнаружено, что адренохром, являющийся продуктом разложения адреналина, может вызывать симптомы, наблюдаемые при интоксикации мескалином. Но, вероятно, адренохром спонтанно появляется в человеческом теле. Другими словами, каждый из нас способен производить химическое соединение, незначительные дозы которого вызывают, как известно, глубокие изменения в сознании. Некоторые из этих изменений сходны с теми, которые происходят при наиболее распространенной чуме двадцатого века - шизофрении. Неужели душевный хаос обусловлен хаосом химическим, и обусловлен ли химический хаос, в свою очередь, психологическим недомоганием, поражающим надпочечник. Утверждать это было бы опрометчиво и преждевременно. Самое большее, что мы можем сказать, - это то, что первичное рассмотрение данного случая было проведено. Между тем, идет систематический поиск, ищайки - биохимики, психиатры и психологи - взяли след.

Благодаря ряду крайне благоприятных - для меня обстоятельств я весной 1953 года обнаружил, что пересек этот след. Одна из ищеек прибыла по делам в Калифорнию.

Несмотря на семидесятилетнюю историю изучения мескалина, находящийся в распоряжении исследователей психологический материал оставался по-прежнему до абсурдного скудным, и этот ученый очень хотел его дополнить. Я по собственному желанию - на самом деле, весьма сильному - стал его подопытным кроликом. В итоге случилось так, что одним ясным майским утром я проглотил четыре десятых грамма мескалина, растворенного в полстакане воды, и сел в ожидании результатов.

Мы жили вместе, действовали друг на друга и взаимодействовали, но всегда и при любых обстоятельствах существовали каждый сам по себе. Христианские мученики выходят на арену рука об руку - распинают же их поодиночке. Обнявшись, влюбленные отчаянно пытаются слить свои изолированные восторги в нечто единое, превосходящее "я",- тщетно. По своей собственной природе каждый воплощенный дух обречен страдать и радоваться в одиночестве. Ощущения, чувства, прозрения и мечты, - все они крайне личны и, кроме как посредством символов и через вторые руки, непередаваемы, Мы можем собирать информацию о переживаниях, но только не сами переживания.

Начиная семьей и кончая нацией, любая группа людей есть сообщество островных вселенных.

Большинство островных вселенных достаточно похожи друг на друга, что допускает выводимое путем умозаключений понимание, даже взаимное душевное проникновение или "вчувствование". Таким образом, вспоминая о собственных утратах и унижениях, мы можем соболезновать другим при аналогичных обстоятельствах, можем ставить себя (конечно же, всегда немного в "пиквикском смысле") на место других. Но в некоторых случаях общение между вселенными остается весьма несовершенным или его даже вообще не существует. Разум есть некое место в пространстве, и места, населенные душевнобольными и исключительно одаренными людьми, настолько отличаются от мест, где живут обыкновенные люди, что почти не существует общей почвы воспоминаний, служащей основанием для понимания или товарищеского чувства.

Слова произносятся, но не просвещают. Предметы и события, к которым сносятся символы, принадлежат к взаимно недоступным областям восприятия.

Видеть самих себя такими, какими видят нас другие, - самый благотворный дар. Едва ли менее важна способность видеть других так, как они видят сами себя. Но что, если эти "другие" принадлежат к разным видам и населяют в корне чуждую вселенную? Например, как психически здоровый человек может узнать, что в действительности значит быть сумасшедшим? Или, будучи не рожденными визионерами, медиумами или музыкальными гениями, как нам посетить миры, являющиеся родиной для Блейка, Сведенборга и Иоганна Себастьяна Баха? И как может человек, находящийся на границах эктоморфии и церебротонии, поставить себя на место человека, находящегося на границах эндоморфии и висцеротонии, или, за исключением весьма узких областей, разделять чувства того, кто стоит на границах мезоморфии и соматотонии? Для типичного бихевиориста подобные вопросы, как я полагаю, бессмысленны.

Но для тех, кто теоретически верит в то, что на практике, по их мнению, истинно, - а именно, что у переживания есть не только внешняя, но и внутренняя сторона, - поставленные проблемы являются реальными проблемами: все они очень важны для бытия человека, некоторые совершенно неразрешимы, а некоторые разрешимы только при исключительных обстоятельствах и с помощью методов, доступных далеко не каждому. Таким образом, кажется вполне определенным, что я никогда не узнаю, что значит быть сэром Джоном Фальстафом или Джо Луисом, С другой стороны, мне всегда казалось возможным то, что с помощью гипноза или самогипноза, посредством систематического медитирования, или принимая соответствующий наркотик, я смогу настолько изменить обыденную форму сознания, что стану способен узнать изнутри, о чем говорят визионеры, медиумы и даже мистики.

Прочитанное мной о мескалинных переживаниях наперед убедило меня в том, что этот наркотик впустит меня, по крайней мере, на несколько часов, в своего рода внутренний мир, описанный Блейком и А. Е. Но ожидаемого не произошло. Я представлял, что буду лежать с закрытыми глазами, рассматривая видения с многоцветной объемной геометрией, с вдохновенной архитектурой, и сказочно прекрасной, изобилующей драгоценными камнями, с пейзажами, заполненными героическими личностями, с символическими драмами, все время балансирующими на грани предельного откровения. Однако произошло то, что я не принял во внимание идиосинкразии склада своего ума, своего темперамента, образования и привычек.

Я обладаю и, насколько помню, всегда обладал скудным мысленным видением. Слова, даже многозначительные слова поэтов, не вызывали у меня в голове никаких картин. Никакие гипнагогические видения не посещали меня на пороге сна. Когда я что-то воскрешаю в памяти, воспоминания не представляются мне в форме отчетливо зримых событий или предметов. Но усилием воли я могу вызвать не очень отчетливый образ случившегося вчера днем; того, как выглядело Лунгарно до разрушения мостов; Бейсвотерской дороги, когда единственные омнибусы были зелеными и крошечными, а тащили их старые клячи со скоростью три с половиной мили в час. Но в подобных образах мало реального, и у них абсолютно нет собственной автономной жизни. Они имеют к реальным, воспринимаемым предметам такое же отношение, какое имели к людям из плоти и крови призраки Гомера, посещавшие их в стране теней. Только если у меня высокая температура, мои мысленные образы живут независимой жизнью, Тем, у кого сильна способность к мысленному видению, мой внутренний мир должен показаться на удивление серым, ограниченным и малоинтересным. Это был мир - скудный, но мой, - который я ожидал увидеть преобразенным в нечто, совершенно на себя непохожее.

Перемена, на самом деле имевшая место в этом мире, ни в коем смысле не являлась революционной. Через полчаса после приема наркотика мне стало известно о медленной пляске золотистых огоньков. Чуть позднее появились великолепные красные поверхности, расширяющиеся и разрастающиеся из точек сосредоточения энергии, вибрировавшей непрерывно меняющейся сложной жизнью. В другой раз, после того, как я закрыл глаза, мне открылся комплекс серых структур, внутри которых непрерывно возникали бледно-голубые сферы, ощущаемые как очень твердые, а возникнув, они бесшумно скользили вверх и терялись из виду. Но ни разу не было лиц и тел людей или животных. Я не видел ни пейзажей, ни громадных пространств, ни волшебного роста и метаморфоз зданий, - ничего, хоть отдаленно напоминающего драму или притчу. Иной мир, в который меня впустил мескалин, не являлся миром видений: он существовал вне меня, в том, что я мог видеть с открытыми глазами. Великая перемена произошла в области объективных фактов. Произошедшее с моей субъективной вселенной было относительно неважным.

Я принял микстуру в одиннадцать. Через полтора часа я сидел у себя в кабинете, пристально глядя на небольшую стеклянную вазу. В вазе стояло всего три цветка-лолностью распустившаяся роза "Португальская красавица", розовая, как раковина, с едва заметным более горячим, пламенным оттенком у основания каждого лепестка; красно-кремовая гвоздика и, бледно-фиолетовый на конце переломленного стебля, смелый, геральдический цветок ириса. Случайный и условный, этот букет нарушал любые правила традиционного хорошего вкуса. Тем утром за завтраком я поразился яркому диссонансу его цветов. Но суть была уже не в этом. Теперь я смотрел вовсе не на необычную аранжировку цветов, Я видел то, что видел Адам в день своего сотворения,- миг за мигом чудо обнаженного бытия.

Букет нравится? - спросил кто-то, (Во время данной части эксперимента все разговоры записывались на диктофон, что затем дало возможность освежить воспоминания о сказанном тогда.) Не нравится и не не нравится,- ответил я,- Он просто есть, "Istigkeit" - не это ли слово так любил использовать Мейстер Экхарт?

"Есть-ность", Бытие платоновской философии, но за исключением того, что Платон, по-видимому, совершил громадную, нелепую ошибку, отделив Бытие от становления и отождествив его с математической абстракцией - Идеей. Он, бедняга, никогда не видел букета цветов, сияющего собственным внутренним светом и лишь трепещущего под давлением значимости, которой они насыщены; никогда не воспринимал того, что- столь напряженно обозначаемое розой, ирисом и гвоздикой-не больше и не меньше, как суть мимолетность, которая однако является вечной жизнью, непрерывное умирание, которое в то же время есть чистое Бытие, кучка крохотных, но уникальных частиц, в которых, благодаря некоему невыразимому, но однако самоочевидному парадоксу, виден божественный источник любого существования.

Я продолжал смотреть на цветы, и в их ярком свете я, казалось, обнаруживал качественный эквивалент дыхания - но дыхания без возврата к исходной точке, без периодических приливов и отливов, но лишь непрерывный ток от красоты к еще более возвышенной красоте, от глубокого к еще более глубокому смыслу. На ум пришли такие слова, как Благодать и Преображение, и это, конечно, то, что они, наряду с другими вещами, символизируют. Мой взгляд путешествовал от розы к гвоздике, а от этого перистого каления к гладким завиткам чувственного аметиста, которые представлял собой ирис.

Блаженное Видение, Сат Чит Ананда, Бытие-Знание-Блаженство - впервые я понял, не на вербальном уровне, не благодаря зачаточным намекам и на расстоянии, но точно и в совершенстве, к чему относятся эти удивительные слоги, А потом я вспомнил пассаж, который прочитал в одном эссе Судзуки. "Что такое Дхармакая Будды?" (Дхармакая Будды-иначе говоря "Разум", "Таковость", "Пустота", "Божество",) Вопрос был задан в дзэнском Монастыре ревностным, но зашедшим в тупик послушником. И с проворной неуместностью одного из братьев Маркс (знаменитые комические артисты. Прим. ред.). Учитель ответил: "Садовая ограда". "А человек, осознающий эту истину,- с сомнением произнес послушник,- могу ли я спросить, кто он такой?" Граучо ударил его что было сил палкой по плечу и ответил: "Златогривый лев". Когда я читал эту историю, она была лишь смутно многозначительной бессмыслицей. Теперь все стало ясно, как: божий день, очевидно, как Евклид. Конечно же, Дхармакая Будды-садовая ограда. В то же самое время, но не менее явно, это были цветы, это было что угодно, на что я, или, скорее, блаженное "Не-я", на мгновение освобожденное из моих удушающих объятий,- захотел посмотреть. Например, книги, рядами стоявшие вдоль стен моего кабинета. Когда я посмотрел на них, они, как и цветы, светились яркими цветами, глубокой значимостью. Красные книги, словно рубины; изумрудные книги, книги с переплетами из белого нефрита, книги из агата, аквамарина, желтого топаза; книги из ляпис-лазури, цвет которых был столь насыщенным, столь наполненным внутренним смыслом, что они, казалось, вот-вот покинут полки, чтобы более настойчиво обратить на себя мое внимание.

Как насчет пространственных соотношений? - спросил исследователь, пока я рассматривал книги. Трудно было ответить. По правде говоря, перспектива выглядела довольно странно, и стены комнаты, видимо, больше не сходились под прямыми углами. Но эти факты, в действительности, не были важны. Действительно важные факты заключались в том, что пространственные соотношения перестали играть сколь-нибудь большую роль и что мой разум воспринимал мир с точки зрения не пространственных, а каких-то иных категорий. Обычно глаз занимается такими вопросами, как "Где?", "Насколько далеко?", "Как расположено по отношению к чему-то?" При мескалинном переживании подразумеваемые вопросы, на которые отвечает глаз, несколько иного порядка. Место и расстояние не очень сильно интересуют. Разум теперь воспринимает окружающее с точки зрения насыщенности существования, глубины значимости, соотношений внутри узора. Я видел книги, но меня вообще не волновало их положение в пространстве, Произвело же впечатление на мой разум, и заметил я тот факт, что все они светятся ярким светом и что у одних сияние более выразительное, чем у других. В таком контексте местоположение и три измерения к сути не относились. Конечно же, это не значит, что категория пространства была упразднена. Когда я встал и прошелся по комнате, я смог сделать это совершенно нормально, Не путаясь в местонахождении предметов. Пространство по-прежнему существовало, но оно потеряло свою господствующую роль. Разум в первую очередь интересовался не масштабом и положением, но бытием и смыслом.

И наряду с безразличием к пространству наблюдалось даже еще более полное безразличие ко времени. Кажется, что его уйма, - вот все, что я ответил, когда исследователь попросил меня сказать, как я ощущаю время. Уйма времени, но сколько точно, к делу совершенно не относилось.

Конечно, я мог посмотреть на наручные часы, но мои часы, как я знал, находились в иной вселенной. В действительности я переживал неопределенную длительность или, наоборот, непрерывное настоящее, созданное из постоянно изменяющегося апокалипсиса.

С книг исследователь перевел мое внимание на мебель, В центре комнаты стоял небольшой стол с пишущей машинкой, За ним, с моей точки зрения, находились плетеный стул и конторка. Эти три предмета образовывали сложный узор из горизонталей, вертикалей и диагоналей - узор тем более интересный, что он не истолковывался в понятиях пространственных соотношений. Стол, стул и конторка объединялись в композицию, чем-то напоминавшую работы Брака или Хуана Гриси, - натюрморт, узнаваемый в его связи с объективным миром, но выполненный без глубины, без какого-либо стремления к фотографическому реализму, Я смотрел на свою мебель не как утилитарист, который на стульях сидит, а за столами и конторками пишет, не как фотограф или ученый-регистратор, но как чистый эстет, которого интересуют только формы и их соотношения в поле зрения или в пространстве картины. Но пока я смотрел на мебель, эта чисто эстетская, кубистическая точка зрения давала место тому, что я могу описать лишь как священное видение реальности, Я вернулся туда, где находился, когда рассматривал цветы, - в мир, где

все сияет Внутренним Светом и бесконечно в своей значимости. Например, ножки стула - как чудесна их цилиндричность, как сверхъестественна гладкость полировки! Я провел несколько минут,- или прошло несколько веков? - не просто созерцая эти бамбуковые ножки, но, в действительности, будучи ими, или, скорее, будучи самим собой в них, или, еще точнее (ибо "я" не участвовало в этом, как в некотором смысле и "они"), будучи своим "Не-я" в "Не-я", являвшемся стулом.

Размышляя о своем переживании, я нахожу, что согласен со знаменитым кембриджским философом доктором Броудом в том, что "мы должны рассмотреть намного более серьезно, чем делалось прежде, теорию, которую выдвинул Бергсон в связи с изучением воспоминаний и чувственного восприятия. Предположение состоит в том, что функция мозга, нервной системы и органов чувств главным образом очистительная, а не производительная. Каждый человек в каждое мгновение способен вспомнить все, когда-либо происшедшее с ним, и воспринять все, происходящее повсюду во вселенной. Функция мозга и нервной системы состоит в защите нас от переполнения и потрясения этой массой, в основном, бесполезного и ненужного знания: не допускать большую часть того, что мы иначе воспринимали бы и вспоминали в любой момент, а оставлять только ту, очень небольшую, специальную выборку, которая, вероятно, будет практически полезной". Согласно подобной теории, каждый из нас в потенции является Всемирным Разумом. Но поскольку мы суть животные, наше дело-любой ценой выжить. Чтобы сделать возможным биологическое выживание, Мировой Разум приходится пропускать через редуционный клапан мозга и нервной системы. На выходе же имеет место жалкая струйка своего рода сознания, которая помогает нам выжить на поверхности этой конкретной планеты. Для формулирования и выражения содержимого этого редуцированного знания человек изобрел и бесконечно усовершенствовал те символические системы и не высказанные прямо философии, которые мы называем языками. Каждый индивидуум одновременно является иждивенцем и жертвой лингвистической традиции, в которой родился - иждивенцем, поскольку язык дает ему допуск к собранию записей о переживаниях и опыте других людей, а жертвой, поскольку язык укрепляет его веру в то, что редуцированное знание является единственным знанием, и сбивает с толку его чувство реальности, так что он чересчур склонен принимать понятия за данность, а слова - за действительные вещи. То, что на языке религии называется "сим миром", есть вселенная редуцированного знания, выраженного и, так сказать, пораженного языком. Различные "иные миры", с которыми человеческие существа по ошибке вступают в соприкосновение, являются многочисленными элементами в совокупности знания, принадлежащего Всемирному Разуму, Большинство людей большую часть времени знают только то, что проходит через редуционный клапан и освящено в качестве поистине реального родным языком. Однако некоторые люди, по-видимому, рождаются со своего рода байпасом, обходящим редуционный клапан, Другими же, временные байпасы могут приобретаться или спонтанно, или в результате обдуманных "духовных упражнений", или посредством гипноза, или с помощью наркотиков. Через эти постоянные или временные байпасы на самом деле течет не восприятие "всего, происходящего повсюду во вселенной" (ибо байпас не упраздняет редуционный клапан, по-прежнему исключая совокупное содержание Всемирного Разума), но нечто большее, и, кроме того, нечто совсем другое, чем осторожно отобранный утилитарный материал, который наш суженный индивидуальный разум считает полной или, по крайней мере, достаточной картиной реальности.

Мозг снабжен большим количеством ферментных систем, служащих для координации его работы. Некоторые из этих ферментов регулируют подачу к клеткам головного мозга глюкозы. Мескалин сдерживает производство этих ферментов и, таким образом, снижает количество глюкозы, поступающее к органу, которому постоянно необходим сахар. Что происходит, когда мескалин уменьшает нормальный сахарный рацион? Было проведено слишком мало наблюдений, чтобы дать исчерпывающий ответ. Но происходящее с большинством из тех немногих, кто принимал мескалин под наблюдением, можно подытожить следующим образом.

Способность вспоминать и "думать правильно" снижается не немного, если вообще снижается, (Прослушивая записи своих разговоров, которые я вел, находясь под воздействием наркотика, я не мог обнаружить, что был тогда глупее, чем обычно.) Зрительные впечатления значительно усиливаются, и глаз вновь обретает детскую невинность восприятия, когда ощущение не автоматически и напрямую подчинено понятию. Интерес к пространству уменьшается, а интерес ко времени падает практически до нуля.

Хотя интеллект остается неповрежденным, а восприятие колоссально улучшается, воля переживает глубокую перемену к худшему. Принявший мескалин, в частности, не видит причины чем-либо заниматься и находит большинство дел, ради которых он обычно готов действовать и страдать, глубоко неинтересными, Они не могут его побеспокоить по той простой причине, что он думает о вещах получше.

Эти "вещи получше" могут переживаться (как их переживал я) "вовне", "внутри" или в обоих мирах, внутреннем и внешнем, одновременно или последовательно. То, что они лучше, кажется всем, принимавшим мескалин, у кого здоровы печень и мозг, Такое воздействие мескалина является воздействием, которого можно было ожидать после принятия сильного наркотика, нарушающего эффективность церебрального редуционного клапана. Когда в мозгу кончается сахар, недокормленное эго ослабевает, его не беспокоит выполнение необходимой работы, и оно теряет всякий интерес к тем пространственным и временным соотношениям, которые значат так много для организма, склонного преуспевать в этом мире. Когда Всемирный Разум просачивается мимо уже далеко не герметичного клапана, начинают происходить всевозможные биологически бесполезные вещи. В некоторых случаях это может быть экстрасенсорное восприятие. Другие люди обнаруживают мир фантастической красоты. Для других, опять-таки, открывается великолепие, бесконечная ценность и глубокий смысл обнаженного бытия данного, неконцептуализированного события. На последней стадии безъэговости появляется "смутное знание", что Все во всем- что, на самом деле, Все есть каждое. Как я понимаю, лишь на таком уровне может конечный разум приблизиться когда-либо к "восприятию всего происходящего повсюду во вселенной".

Насколько значимо, в таком контексте, громадное повышение под воздействием мескалина восприятия цвета! Для некоторых животных биологически очень важно быть способными различать определенные оттенки.

Но за границами своего утилитарного спектра большинство существ - полнейшие дальтоники. Например, пчелы проводят большую часть времени, "лишая невинности неопытных весенних девственниц", но, как показал фон Фриш, они распознают очень мало цветов. Высокоразвитое цветовое ощущение у человека является биологической роскошью - бесценной для него как интеллектуального и духовного существа, но не особо необходимой для выживания в качестве животного, Рассматривая прилагательные, которые Гомер вкладывает в уста героев Троянской войны, видно, что те едва ли превосходили пчел в способности различать цвета. По крайней мере, в этом отношении прогресс человечества изумителен.

Мескалин доводит все цвета до высочайшей силы и делает воспринимающего способным различать несметное множество тончайших оттенков, которых обычно он не в состоянии различать.

По-видимому, для Всемирного Разума так называемые вторичные характеристики вещей являются первичными. В отличие от Локка, воспринимающий, очевидно, чувствует, что цвета более важны и заслуживают большего внимания, нежели массы, местоположения и измерения. Как и находившиеся под воздействием мескалина, многие мистики воспринимают сверхъестественно сверкающие цвета не только духовным оком, но даже и в объективном, окружающем их мире. Сходные сообщения сделаны медиумами и сензитивами. Существуют некоторые медиумы, для которых мимолетное откровение человека, принявшего мескалин, является, причем в течение долгих промежутков времени, вопросом ежедневного и ежечасного опыта.

От этого длинного, но необходимого экскурса в царство теории мы можем теперь вернуться к удивительным фактам - к четырем бамбуковым ножкам стула посреди комнаты. Как и нарциссы Вордсворта, они привнесли редкое богатство бесценный дар нового, непосредственного прозрения в самое Природу Вещей вместе с более скромным сокровищем понимания - особенно в сфере изящных искусств, «Роза есть роза есть роза». Но ножки этого стула были архангелом Михаилом и всеми ангелами, Спустя четыре или пять часов после данного события, когда эффект церебральной сахарной недостаточности смягчился, меня повезли на небольшую прогулку по городу, которая включала в себя (это было ближе к заходу солнца) посещение одного заведения, которое скромно именовало себя "Самой большой в мире аптекой". В заднем помещении "Самой большой в мире аптеки" наряду с игрушками, поздравительными открытками и комиксами, стояли в ряд, к моему большому удивлению, книги по искусству. Я взял первый попавшийся под руку том. Книга была посвящена Ван Гогу, и открывала ее картина "Стул" - этот поразительный портрет "вещи в

себе", которую безумный художник увидел со своего рода благоговейным ужасом и попытался передать на полотне. Но это была задача, которая даже гению оказалась не под силу. Стул, который увидел Ван Гог, очевидно, по существу был тем же самым, что и стул, увиденный мной. Но, хотя и несравнимо более реальный, чем стул при обыденном восприятии, стул на картине оставался не более, чем необычайно выразительным символом факта. Факт проявлял Таковость, это была лишь эмблема. Подобные символы являются источниками подлинного знания о Природе Вещей, и такое подлинное знание может служить для подготовки разума, который воспринимает его ради непосредственных прозрений, на свой страх и риск. Но это и все, Какими бы выразительными ни были символы, они никогда не станут вещами, которые они обозначают.

В данном контексте было бы интересно провести исследование произведений искусства, доступного великим знатокам Таковости. На какую живопись взирал Экхарт? Какие скульптуры и картины сыграли роль в религиозном опыте Сан-Хуана де Ла Круса, Хакуина, Хуй-Нэна и Вильяма Лоу?

На эти вопросы ответить я не способен. Но я сильно подозреваю, что большинство великих знатоков Таковости уделяли искусству очень мало внимания - одни вовсе отказывались иметь с ним что-либо общее, другие удовлетворялись тем, что взгляд критика посчитал бы второсортными, или даже десятисортными, произведениями. (Для человека, чей преобразенный и преобразующий разум может видеть Все в любом этом, первосортность или десятисортность даже религиозной живописи будет являться вопросом самого что ни на есть высокомерного безразличия.) Полагаю, что искусство - только для начинающих или же для решительных, но зашедших в тупик людей, которые настроили свой разум так, что удовлетворяются эрзацем Таковости, символами, а не тем, что они означают, изысканно составленным рецептом вместо настоящего обеда.

Я вернул Ван Гога на место и взял соседний том. Это был альбом Боттичелли, Я начал его листать. Картина "Рождение Венеры" - никогда не была моей любимой. "Венера и Марс", чью прелесть столь страстно поносил бедный Рескин во время кульминации своей надолго затянувшейся сексуальной трагедии. Изумительно богатая и сложная "Клевета". А потом несколько менее знакомая и не очень хорошая картина - "Юдифь". Мое внимание оказалось прикованным к ней, и я зачарованно смотрел не на бледную героиню-неврастеничку или ее слугу, не на лохматую голову жертвы или весенний пейзаж на заднем плане, но на складки у нее на лифе и на длинные, развеваемые ветром юбки.

Это было нечто, замеченное мной прежде - увиденное в то самое утро, помимо цветов и мебели, когда я случайно опустил голову и продолжил по собственному выбору страстно всматриваться в свои скрещенные ноги. Эти складки на брюках - что за сложнейший лабиринт бесконечной значимости! А фактура серой фланели - какая богатая, какая глубокая и изумительно роскошная! И вот все это вновь-на картине Боттичелли.

Цивилизованные человеческие существа носят одежду, поэтому не может быть ни портретной живописи, ни какого-либо мифологического или исторического повествования без изображения складок ткани. Но простое портновское ремесло, хотя его и можно считать первоисточником, никогда не в силах объяснить буйный расцвет тканей в качестве главной темы всех пластических искусств. Очевидно, что художники всегда любили ткани ради них самих - или, точнее, ради себя самих. Рисуя или высекая ткань, вы рисуете или высекаете формы, которые для любых практических целей нерепрезентативны - своего рода безусловные формы, работая с которыми художники даже самого натуралистического толка любили дать себе волю. В типичной мадонне или апостоле чисто человеческий, полностью репрезентативный элемент составляет около десяти процентов от целого. Все остальное состоит из множества разноцветных вариаций на неисчерпаемую тему смятых шерсти или полотна. И эти непрезентативные девять десятых мадонны или апостола могут быть такими же важными качественно, какими они являются количественно. Очень часто они задают тональность всего произведения искусства, в которой исполняется тема, они выражают настроение, темперамент и жизненную установку художника. Стоическая безмятежность открывается в гладких поверхностях и широких, неискривленных складках тканей у Пьеро. Разрывающийся между фактом и желанием, между цинизмом и идеализмом, Бернини смягчает все, кроме карикатурного правдоподобия лиц, с помощью огромных портновских абстракций, являющихся воплощением в камне и бронзе вечных риторических общих мест - героизм, святость, возвышенность, к которой постоянно стремится человечество, но по большей части тщетно, А вот подспудно тревожные юбки и мантии Эль-Греко. Вот резкие, скрученные, напоминающие языки пламени, складки, в которые облачает фигуры Козимо

Тура: во-первых, традиционная духовность распадается на невыразимое физиологическое томление, а, во-вторых, здесь корчится мучительное чувство неотъемлемой чуждости и враждебности мира. Или посмотрите на Ватто; его мужчины и женщины играют на лютнях, готовятся к балам и арлекинадам, отправляются с бархатистых лужаек и из-под величавых деревьев в Киферы мечты каждого влюбленного; их невероятная меланхолия и обнаженная, терзающая его чувственность художника находят выражение не в зафиксированных поступках, не в жестах и лицах, а в рельефе и фактуре юбок из тафты и атласных пелеринах и камзолах. Здесь нет ни одного вершка гладкой поверхности, ни одного мгновения покоя и уверенности, но лишь шелковое неистовство бесчисленных крошечных складок и морщинок с непрестанной модуляцией - внутренняя неопределенность, передаваемая абсолютно твердой рукой мастера,- одного тона в другой, одного нечеткого оттенка в другой, В жизни - человек предполагает, а Бог располагает, В пластических искусствах же предположение делается темой произведения, а располагает в конечном счете темперамент художника, а непосредственно (по крайней мере, в портретах, исторических и жанровых работах) - высеченная или написанная ткань. Эти двое могут распорядиться так, что галантное празднество доведет до слез, распятие будет почти жизнерадостно безмятежным, стигматизация станет невыносимо сексуальной, изображение чуда женской безмозглости (я думаю сейчас о несравненной мадам Муатесье Энгра) выразит строгую, самую что ни на есть бескомпромиссную интеллектуальность.

Но это еще не все. Ткань, как я теперь обнаружил, есть нечто большее, чем средство введения нерепрезентативных форм в натуралистическую живопись и скульптуру. То, что остальные видят только под воздействием мескалина, художник, по природе своей, с рождения видит постоянно. Его восприятие не ограничено тем, что полезно биологически или социально. Капля знания, принадлежащего Всемирному Разуму, просачивается мимо редуccionного клапана мозга и эго художника в его сознание. Это знание о внутренней значимости всего сущего. Для художника, как и для принявшего мескалин, ткани - живые иероглифы, которые неким своеобразным, выразительным способом символизируют непостижимое чудо чистого бытия. Даже более, чем стул, хотя, вероятно, менее, чем те абсолютно сверхъестественные цветы в вазе и складки на серых фланелевых брюках, они наполнены "есть-ностью". Чему они обязаны своим привилегированным положением, я сказать не берусь. Вероятно, так происходит потому, что формы складок на ткани столь странны и драматичны, что приковывают к себе взгляд, и таким способом направляют внимание на изумительный факт абсолютного бытия, Кто знает? Важно же то, что чем меньше поводов для переживания, тем сильнее само переживание.

Сосредоточенно рассматривая юбки Юдифи в "Самой большой в мире аптеке", я понял, что Боттичелли - и не один Боттичелли, а и многие другие-взирал на ткань тем же самым преображенным и преображающим взглядом, каким являлся мой взгляд в то утро. Они видели *Istigkeit*, Всеобщность и Бесконечность складок одежды и делали все от себя зависящее, чтобы передать это с помощью красок или камня. Разумеется, неизбежно без всякого успеха. Ибо великолепие и чудо чистого бытия принадлежит иному порядку, который даже высочайшее искусство не в силах выразить. Но по юбкам Юдифи я отчетливо видел, что, будь я гениальным живописцем, я смог бы написать свои серые фланелевые брюки. Знает Бог, в этом нет ничего особенного по сравнению с реальностью, но этого достаточно для того, чтобы восхищать поколение за поколением зрителей, этого достаточно, чтобы заставить их понять по крайней мере чуточку подлинной значимости того, что, по своему жалкому скудоумию, мы называем "просто вещами" и пренебрегаем ими в пользу телевидения. Вот как следует видеть,- повторял я, пока смотрел на свои брюки или бросал взгляд на расцвеченные драгоценными камнями книги на полках и на ножки своего бесконечно более Ван-Гоговского стула.- Вот как следует видеть, вот каковы в действительности вещи.

Однако существуют оговорки. Если человек всегда будет видеть вот так, он никогда не захочет заниматься чем-то другим. Просто смотреть, просто быть божественным "Не-я" цветка, книги, стула, фланели. Этого будет достаточно. В таком случае, как насчет других людей? Как насчет человеческих взаимоотношений? В записи разговоров того утра я нашел постоянно повторяющийся вопрос: "Как насчет человеческих взаимоотношений?" Как можно примирить эту вневременную блаженную способность видеть так, как следует видеть, с преходящим долгом делать то, что следует, и чувствовать так, как следует?

Следует стать способным,- сказал я, - видеть эти брюки как бесконечно важные, а человеческие существа как по-прежнему еще более бесконечно важные.

"Следует" - но, похоже, на практике это невозможно. Соучастие в явленном великолепии вещей не оставляет, так сказать, места обыденным, неизбежным заботам человеческого бытия, и, кроме всего прочего, заботам, касающимся других людей, Ибо человек--это "я", и, по крайней мере, в одном отношении, я не был "Не-я", одновременно воспринимавшим и являвшимся "Не-я" окружающих меня вещей. Для этого новорожденного "Не-я" поведение, облик, самая мысль о "я" моментально перестали существовать, и мысль о других "я", его бывших собратях, на самом деле не казалась неприятной (поскольку приятность не из тех категорий, которыми я мыслил), но являлась - колоссальным образом - не относящейся к сути. Принужденный исследователем анализировать и сообщать, что я делаю (а как долго я оставался наедине с Вечностью в цветке, Бесконечностью в четырех ножках стула и Абсолютом в складках фланелевых брюк!), я осознал, что намеренно избегаю взглядов находящихся со мной в комнате людей, намеренно воздерживаюсь от того, чтобы узнать о них чересчур много. Одной из них была моя жена, другим - человек, которого я любил и уважал. Но и она, и он принадлежали к миру, от которого в данный момент мескалин меня избавил мир множества "я", времени, моральных суждений и утилитарных расчетов, мир (и именно эту сторону человеческой жизни, кроме всего прочего, мне хотелось забыть) самоутверждения, самоуверенности, переоцениваемых слов и идолопоклоннически почитаемых мнений.

На этой стадии эксперимента мне дали большую цветную репродукцию хорошо известного автопортрета Сезанна - голова и плечи мужчины в большой соломенной шляпе, с красными щеками, красными губами, с роскошными черными усами и темными недружелюбными глазами. Это великолепная картина, но сейчас я ее видел не как картину. Ибо голова проворно приняла третье измерение и ожила, словно маленький, похожий на гоблина, человечек выглядывал из окна на странице открытой передо мной книги. Я начал смеяться. А когда меня спросили, почему, я начал повторять: Какая претенциозность! Кто, по его мнению, он такой?

Вопрос был обращен не конкретно к Сезанну, но к человеческому роду в целом. Кто, по их мнению, они такие? Это все равно что Арнольд Беннет в Доломитовых Альпах, - сказал я, внезапно вспомнив сценку, к счастью, увековеченную на одной фотографии А. Б. лет за пять до его смерти: прогулка по зимней дороге в Кортине д'Ампеццо, Вокруг него лежал девственный снег, на заднем плане устремлялись ввысь более чем готические скалы. И тут же милый, добрый и несчастный А. Б., сознательно проигрывающий роль своего любимого литературного героя, самого себя, Типической личности во плоти. И он шел, медленно ковыляя под ярким альпийским солнцем, большие пальцы подсунуты под желтый жилет, который чуть ниже выпирал с изящным изгибом эркера времен Регентства, голова откинута назад, словно он нацеливается вверх, как гаубица, чтобы, заикаясь, произнести какое-то высказывание голубому своду небес. Что он сказал на самом деле, я забыл. Но манера поведения в целом, выражение лица и поза безусловно кричали: "Я так же хорош, как и эти чертовы горы". И в некоторых отношениях он, конечно же, был бесконечно лучше. Но, как н отлично знал, не в том отношении, которое травилось воображать его любимому литературному герою.

Успешно (что бы это ни значило) или безуспешно мы все проигрываем роли своих любимых литературных героев. И фактически (почти бесконечно невероятный факт) то, что ты-Сезанн, на самом деле ничего не меняет. Ибо непревзойденный художник со своим тоненьким трубопроводом, протянутым к Всемирному Разуму в обход клапана мозга и фильтра эго, был, к тому же, и так же доподлинно, этим усатым гоблином с недружелюбным взглядом. Для разнообразия я вновь обратился к складкам на брюках.

Вот так следует видеть, - повторил я еще раз.

И я бы мог добавить: "Вот вещи, на которые следует смотреть". Вещи без претензий, удовлетворенные тем, что они - это просто они сами, самодостаточные в своей таковости, не играющие никакой роли, не пытающиеся безумно действовать в одиночку, отдельно от Дхармакаи Будды, бросая люциферский вызов Божьей благодати. Наибольшим приближением к этому,- сказал я,- был бы Вермеер, Да, Вермеер, Ибо этот таинственный художник имел тройной дар: видение, которое воспринимает Дхармакаю Будды как садовую ограду: талант передавать из этого видения столько, сколько позволяет несовершенство человеческих способностей; благоразумие ограничиваться в живописи наиболее податливыми аспектами реальности,- ибо, хотя Вермеер показывал человеческие существа, он всегда оставался художником, пишущим натюрморты. Сезанн, велевший своим натурщицам изо всех сил стараться походить на яблоки, пытался писать портреты в том же

духе. Но его яблокощечие Женщины более близко связаны с платоновскими Идеями, нежели с Дхармакаей в ограде. Они суть Вечность и Бесконечность, увиденные не в песчинке или цветке, но в абстракциях некоего высшего раздела геометрии. Вермеер никогда не просил девушек походить на яблоки. Наоборот, он настаивал, чтобы они до предела были девушками - но всегда с оговоркой, что они должны воздерживаться от девического поведения. Они могли сидеть или спокойно стоять, но только не хихикать, не выказывать застенчивость, не молиться об отсутствующих возлюбленных и не чахнуть по ним, не сплетничать, не смотреть с завистью на детей других женщин, не флиртовать, не любить, не ненавидеть и не работать. Сделав что-либо из этого, они, без сомнения, стали более бы самими собой, но по той же самой причине не смогли бы явить неотъемлемое, божественное "Не-я". Пользуясь выражением Блейка, двери восприятия у Вермеера были очищены лишь отчасти. Одна створка стала почти абсолютно прозрачной, остальная дверь по-прежнему оставалась грязной. Неотъемлемое "Не-я" могло очень отчетливо восприниматься в вещах и в живых существах по эту сторону добра и зла. В человеческих существах оно было видно только тогда, когда они отдыхали, их разум был спокоен, а тела неподвижны. При таких обстоятельствах Вермеер мог видеть Таковость во всей ее божественной красоте - мог видеть и в малой мере передавать ее в утонченных, роскошных натюрмортах, Вермеер, несомненно, величайший автор натюрмортов с людьми, Но были и другие, например, современники Вермеера во Франции братья Ленэны. Полагаю, они намеревались стать жанровыми живописцами. Но не самом деле их продукция являлась серией натюрмортов с людьми, в которых их очищенное восприятие бесконечной значимости всего сущего передавалось не изысканным богатством цвета и фактурой, как у Вермеера, а повышенной ясностью, навязчивой отчетливостью формы внутри строгой, почти монохромной тональности. В наше время мы имеем Вийяра - в своих лучших проявлениях, автора незабываемо блистательных изображений Дхармакаи, явленного в спальне буржуа, Абсолюта, сверкающего среди семьи биржевого маклера, пьющей чай в загородном саду.

Ce qui fait que l'ancien bandagiste renie
Le comptoir dont ie faste allechait les passants,
C'est son jardin d'Autenil, on, venfs de tout encens,
Les Zinnias ont l'air d'etre en tole vernie.

Для Лорена Тайяда зрелище просто непристойное. Но если бы ушедший на пенсию торговец резиновыми изделиями сидел достаточно неподвижно, Вийяр увидел бы в нем лишь Дхармакаю, написал бы среди цинний пруд с золотыми рыбками, мавританскую башню виллы и китайские фонарики,- уголок Эдема перед Падением.

Но между тем мой вопрос остался без ответа. Как подобное очищенное восприятие примиряется с надлежащей заинтересованностью в человеческих взаимоотношениях, с неизбежными трудом и долгом, не говоря уж: о милосердии и практическом сострадании? Возобновился стародавний спор между людьми действия и созерцателями, возобновился - для меня - с невиданной резкостью. Ибо до этого утра я знал созерцание лишь в его наиболее скромных, обыденных формах - как дискурсивное мышление; как восторженную погруженность в поэзию, живопись или музыку, как терпеливое ожидание вдохновения, без которого самый прозаичный писатель не может и надеяться Достичь чего-либо; как случайные проблески в природе вордсвортского "чего-то, смешанного намного глубже"; как систематическое молчание, ведущее порой к намекам на "смутное знание". Но теперь я познал вершину созерцания. Вершину, но не всю его полноту. Ибо в его полноте путь Парии включает в себя путь Марфы и, так сказать, Поднимает его до собственной возвышенной мощи. Мескалин открывает путь Марии, но захлопывает Дверь, ведущую на путь Марфы. Он дает допуск к созерцанию, но к созерцанию, несовместимому с действием и даже с желанием действовать, с самой мыслью о действии. В промежутках между откровениями принимающий мескалин способен ощущать, что хотя, с одной стороны, все в высшей степени так, как должно быть, с другой стороны, что-то не так, В сущности, это та же самая проблема, с которой сталкиваются квиетист, архат, а на другом уровне - пейзажист и автор натюрмортов с людьми, Мескалину никогда не решить этой проблемы: он может лишь ее апокалиптически поставить для тех, кто о ней никогда прежде не имел представления. Полное и окончательное решение могут найти только те, кто способен проводить в жизнь надлежащее мировоззрение посредством надлежащего поведения и надлежащей, постоянной и непринужденной бдительности. Квиетисту противостоит человек действия - созерцатель,

святой - человек, который, по выражению Экхарта, готов спуститься с седьмого неба, чтобы принести кружку воды больному брату. Архату, удалившемуся от явлений в совершенно трансцендентальную Нирвану, противостоит Бодхисаттва, для которого Таковость и мир случайного едины и для чьего безграничного сострадания любая из случайностей есть возможность не только для преобразующего прозрения, но также и для самого что ни на есть практического милосердия. А во вселенной искусства Вермеера и другим авторам натюрмортов с людьми, мастерам китайской и японской живописи, Констеблю и Тернеру, Сислею, Сера и Сезанну противостоит всеобъемлющее искусство Рембрандта. Все это грандиозные имена, недоступные вершины, Что же касается меня, то этим памятным майским утром я мог лишь быть благодарен за переживание, показавшее мне более отчетливо, чем я видел раньше, подлинную природу вызова и полностью освобождающего ответа.

Позвольте добавить, прежде чем мы оставим этот предмет, что не существует ни одной формы созерцания, даже самой квиетистской, которая бы не имела этических оценок. По крайней мере, половина любой нравственности негативна и состоит в удерживании от проступков. В Господней молитве менее шестидесяти слов, и шесть из этих слов посвящены просьбам к Богу не вводить в искушение. Однобокий созерцатель оставляет несделанными множество вещей, которые ему следовало сделать. Но это возмещается тем, что он воздерживается и от совершения действий, которые ему не следовало совершать. Суммарное зло, как заметил Паскаль, значительно уменьшилось бы, если люди смогли бы лишь научиться тихо сидеть у себя дома. Созерцатель, восприятие которого очищено, не должен оставаться дома. Он может заниматься своим делом, с полным удовлетворением видя часть божественного Порядка Вещей и являясь его частью, так что он никогда не войдет в искушение опуститься до того, что Трахерн называл "грязными Приемами сего мира". Когда мы ощущаем себя единственными наследниками вселенной, когда "море течет в наших жилах... а звезды-наши брильянты", когда все сущее воспринимается как бесконечное и святое, какие мотивы могут быть у нас для алчности и самоутверждения, для погони за властью или наскучившими формами наслаждения? Маловероятно, что созерцатели станут аферистами, сводниками или пьяницами; они, как правило, не проповедуют нетерпимость и не развязывают войн; не находят необходимым воровать, мошенничать или угнетать бедняков. А к этим грандиозным негативным добродетелям мы можем добавить еще одну, которая, будучи трудно определимой, как позитивна, так и важна. Архат и квиетист не могут практиковать созерцание во всей его полноте. Но если они его вообще практикуют, они могут вернуться со свидетельствами, проливающими свет на иную, трансцендентную страну разума, А если они практикуют его в высшей мере, они станут каналами, по которым некое благотворное влияние сможет течь из этой страны в мир затемненных "я", хронически умирающих от его нехватки.

Между тем, по просьбе исследователя, я обратился от портрета Сезанна к тому, что происходит у меня в голове, когда я закрываю глаза. На сей раз внутренний пейзаж, оказался на удивление бедным. Поле зрения было заполнено ярко окрашенными, постоянно меняющимися структурами, сделанными, по-видимому, из пластмассы или эмалированной жести, Дешево,- прокомментировал я,- Тривиально. Вроде вещей в пятнадцатидесятицентовой лавке. И весь этот хлам существовал в некоей замкнутой, стесненной вселенной.

Словно находишься в трюме корабля, - сказал я. - Пятнадцатидесятицентового корабля.

А пока я смотрел, становилось ясно, что этот пятнадцатидесятицентовый корабль каким-то образом связан с человеческими претензиями. Эти удушающие внутренности грошевого корабля являлись моим собственным, личным "я", Эти сделанные на скорую руку мишурные мобили из жести и пластмассы были моим личным вкладом во вселенную.

Я ощущал, что урок должен быть благотворным, но, тем не менее, пожалел, что он преподнесен в такой момент и в такой форме. Как правило, принявший мескалин открывает внутренний мир как явную данность, как самоочевидную бесконечность и святость, как тот преобразенный внешний мир, который я увидел с открытыми глазами. С самого начала мой случай был совершенно иным, Мескалин на время наделил меня способностью видеть нечто с закрытыми глазами. Но он не смог, или, по крайней мере, на сей раз ему не удалось, открыть внутренний пейзаж, хотя бы отдаленно сравнимый с моими цветами, стулом и брюками "вовне". Внутри же он позволил воспринять не Драхмакаю в образах, а свой собственный разум; не архетипическую Таковость, а набор символов-другими словами, самодельный заменитель Таковости.

Большинство людей, обладающих мысленным видением, преобразуются мескалином в визионеров.

Некоторым из них, и, вероятно, они более многочисленны, чем обычно предполагается,- преобразования не требуется: они все время являются визионерами, Ментальный вид, к которому принадлежал Блейк, довольно широко распространен даже в урбанистически-индустриальном обществе настоящего времени, Уникальность поэта-художника состоит не в том факте (цитируя "Описательный каталог"), что он на самом деле видел "тех удивительных оригиналов, называемых в Священном Писании херувимами". Она состоит не в том факте, что "эти удивительные оригиналы, зримые в моих видениях, были - по крайней мере некоторые - высотой в сто футов... и все имели малопонятный мифологический смысл". Она единственно состоит в способности передать словами или (почему-то менее успешно) линией и цветом, на худой конец, хоть некий намек на чрезвычайно необычное переживание. Бездарный визионер может воспринимать внутреннюю реальность, не менее потрясающую, прекрасную и значительную, нежели мир, который зрил Блейк. Но ему всецело не достаёт способности выразить увиденное в литературных или пластических символах.

Исходя из религиозных свидетельств и уцелевших памятников поэзии и пластических искусств совершенно ясно, что в большинстве эпох и у большинства народов люди придавали большую важность духовному ландшафту, нежели объективно существующему, и ощущали, что увиденное с закрытыми глазами обладает духовно более высокой значимостью, нежели видимое с открытыми глазами. Причина? Хорошая осведомленность порождает презрение, а проблема выживания по насущности располагается в диапазоне от хронически скучной До мучительной, Внешний мир, который мы видим, просыпаясь каждое утро, является местом, где мы волей-неволей должны пытаться обустроить свою Жизнь. Во внутреннем же мире нет ни труда, ни Монотонности, Мы посещаем его лишь в снах и грезах, и его диковинность заключается в том, что мы в двух последовательных случаях не находим один и тот же мир. Тогда не удивительно, что человеческие существа в своих поисках божественного главным образом предпочитали смотреть внутрь! Главным образом, но не всегда. В искусстве не менее, чем в религии, даосисты и дзэн-буддисты смотрели за видения, на Пустоту, а через Пустоту-на "десять тысяч вещей" объективной реальности, Благодаря своей доктрине воплощенного Слова христиане с самого начала должны были стать способными принять сходную установку по отношению к окружающей их вселенной. Но они обнаружили, что из-за доктрины Грехопадения сделать это очень тяжело, Как в настоящее время, так и триста лет назад выражение радикального отрицания мира и даже проклятия мира было ортодоксальным и понятным. "Мы вообще не должны удивляться в Природе ничему, кроме Воплощения Христа". В семнадцатом столетии фраза Лальмана, по-видимому, имела смысл. Сегодня от нее веет безумием.

В Китае подъем пейзажной живописи до положения главной формы искусства имел место около тысячи лет назад, в Японии - около шестисот, а в Европе - около трехсот лет назад. Приравнение Дхармакаи ограде было сделано теми дзэнскими учителями, которые соединили даосский натурализм с буддистским трансцендентализмом, Поэтому только на Дальнем Востоке пейзажисты сознательно считали свое искусство религиозным. На Западе религиозная живопись представляла собой создание портретов священных личностей и иллюстрирования канонических текстов. Пейзажисты считали себя светскими художниками. Сегодня мы распознаем в Сера одного из высочайших мастеров того, что можно назвать мистической пейзажной живописью. И однако этот человек, который был способен более эффективно, чем любой другой, передать Единое во множественности, крайне возмущился, когда кто-то похвалил его за "поэтичность" произведений. "Я просто применяю Систему",- возразил он. Другими словами, он был просто пуантилистом и, на его взгляд, никем иным. Похожий анекдот рассказывают про Джона Констебля, Однажды под конец своей жизни Блейк встретился с Констеблем в Гемпстеде, и ему был показан один из набросков молодого художника, Несмотря на презрение, испытываемое к натуралистическому искусству, старый визионер отличал хорошую вещь, когда ее видел,-кроме, конечно же, творений Рубенов. "Это не рисунок,-воскликнул он,-это вдохновение!" "Мне хотелось, чтобы это был рисунок,- последовал характерный ответ Констебля. Оба были правы. Это был рисунок, точный и правдивый, но в то же самое время это было вдохновение - вдохновение, по крайней мере, такого же высокого порядка, как блейковское. Сосны на вересковой пустоши в самом деле были увиденны тождественными Дхармакае. Этот набросок представлял собой передачу -неизбежно несовершенную, но все же глубоко впечатляющую - того, что очищенное

восприятие открывает взору великого художника. От созерцания - в традициях Вордсворта и Уитмана - Дхармакаи как ограды и от видений, как у Блейка, "удивительных оригиналов" у себя в голове современные поэты отошли к исследованию личного - как противопоставленного более чем личному - подсознания и к передаче в предельно абстрактных понятиях не данного, объективного факта, а чисто научных и теологических идей. И нечто сходное произошло в сфере живописи. Здесь мы были свидетелями всеобщего отхода от пейзажа - господствующей формы искусства девятнадцатого века. Это был отход не к иной, внутренней и божественной Данности, которой интересовалось большинство традиционных школ прошлого, к тому архетипическому Миру, где люди всегда находили материал мифов и религий. Нет, это был отход от внешней Данности к личному подсознанию, к духовному миру, более убогому и более замкнутому, чем даже мир личностного сознания. Эти новинки из жести и ярко раскрашенной пластмассы - где я их видел раньше? В любой картинной галерее, выставяющей новейшее нерепрезентативное искусство.

А теперь кто-то достал граммофон и поставил на него пластинку. Я слушал с удовольствием, но не переживал чего-либо, сравнимого с увиденным апокалипсисом цветов и фланели. Услышал ли бы одаренный от природы музыкант откровение, которое для меня было исключительно зрительным? Было бы интересно провести такой эксперимент. Между тем, хотя и не преображенная, хотя и сохраняющая свои нормальные качества и интенсивность, музыка немало привнесла в мое понимание происшедшего со мной и широкого круга проблем, которые оно подняло.

Достаточно странно, но инструментальная музыка оставила меня безучастным. Фортепианный концерт Моцарта до минор был снят после первой части, и его место заняли мадригалы Джезуальдо. Эти голоса,- оцениваяще заметил я,- эти голоса... они-своего рода мост, связывающий меня с миром людей.

И этот мост оставался, даже когда пелись самые пугающе хроматические из композиций безумного князя. Музыка 'следовала по намеченному пути сквозь шероховатые фразы мадригала, и одна и та же клавиша не нажималась в двух тактах подряд. У Джезуальдо, этого фантастического персонажа какой-то мелодрамы Вебстера, психологический распад преувеличивался, доводился до крайнего предела - тенденция, свойственная модальной музыке в противоположность полностью тональной. В результате произведения звучали так, словно были написаны поздним Шёнбергом.

-И однако,-произнес я, чувствуя, как мне трудно говорить после прослушивания этих странных производных контрреформаторского психоза, работающего с музыкальной формой позднего средневековья,- и однако не играет роли, что сам он весь раздроблен. Целое находится в беспорядке, но каждый индивидуальный фрагмент упорядочен и представляет некий Высший Порядок. Высший Порядок преобладает даже в распаде. Целокупность присутствует даже в раздробленных кусках. Вероятно, присутствует более явно, чем в каком-нибудь совершенно гармоничном произведении. По крайней мере, тебе не внушается чувство ложной безопасности каким-то чисто человеческим, чисто вымышленным порядком, Нужно полагаться на непосредственное восприятие предельного порядка. Так что, в некотором смысле, у распада могут быть свои преимущества. Но, конечно же, он опасен, ужасно опасен. Положим, ты не смог бы вернуться из этого хаоса...

От мадригалов Джезуальдо мы перепрыгнули через пропасть в три столетия к Альбану Бергу и его "Лирической сюите", Она,- заявил я наперед,- будет сущим адом. Но, как оказалось, я был неправ. В самом деле, музыка звучала весьма странно. Выуженная из личного подсознания агония следовала за двенадцатитоновой агонией. Но поразило меня лишь существенное несоответствие между психологическим распадом, еще более полным, чем у Джезуальдо, и изумительными средствами,- талантом и техникой - использованными для его выражения. Неужели ему не жалко самого себя? - заметил я с издевательским отсутствием симпатии. А потом добавил:- Кошачий концерт... многоученый кошачий концерт.- И, наконец, после еще нескольких минут мучений я сказал: Кого волнуют его чувства? Почему он не может уделить внимание чему-нибудь другому?

В качестве критики того, что, без сомнения, является весьма значительным произведением, мои слова были нечестными и неадекватными, но, не являлись, по-моему, неуместными, Я цитирую их как есть, потому что именно так, находясь в состоянии чистого созерцания, я реагировал на "Лирическую сюиту".

Когда она закончилась, исследователь предложил прогуляться по саду. Я охотно согласился, И хотя мое тело, казалось, почти полностью отделилось от моего разума - или,

точнее, хотя мое знание о преображенном внешнем мире больше не сопровождалось знанием о моем физическом организме,- я обнаружил, что способен встать, открыл французское окно и лишь с минимальной нерешительностью вышел в сад. Конечно, было странно, ощущать, что "я" - не тождественно этим рукам и ногам "вовне", этому полностью объективному туловищу, шее и даже голове. Это было странно, но к этому быстро привыкаешь. И, так или иначе, тело, по-видимому, было вполне способно следить за собой. Сознательное эго может лишь формулировать желания, которые затем исполняются силами, которыми оно управляет лишь незначительно и которые вообще не понимает. Когда оно делает что-то большее,- когда оно, например, чересчур старается, когда тревожится, когда начинает страшиться будущего - оно снижает эффективность этих сил и может даже довести до того, что, лишённое жизненных сил, тело заболевает. В моем теперешнем состоянии знание не имело отношения к эго: эго, так сказать, было само по себе. Это означало, что физиологический рассудок, управляющий телом, тоже был сам по себе. В течение какого-то времени этот надоедливый невротик, пытающийся в час пробуждения стать полноправным хозяином, благополучно находился в стороне.

Через французское окно я вышел в своего рода крытую аллею, затененную отчасти вьющимися розовыми кустами, а отчасти планками в дюйм шириной с просветом в полдюйма между ними, Светило солнце, и тени от планок создавали полосатый узор на земле, скамейке и спинке садового стула, стоявшего в этом конце аллеи. Тот стул, забуду ли я его когда-нибудь? Там, где тени падали на полотняную обивку, полосы темного, но светящегося синего цвета перемежались с раскаленными полосами, столь яркими, что трудно было поверить в то, что они представляли собой не голубое пламя, а что-то иное. В течение, как казалось, невероятно долгого времени я смотрел, не зная и даже не желая знать, с чем я столкнулся. В любое другое время я увидел бы стул с чередующимися полосами света и тени. Сегодня же объект поглотил концепт. Я был настолько погружен в созерцание, настолько поражен тем, что вижу на самом деле, что не мог знать ни о чем ином. Садовая мебель, планки, солнечный свет и тени - это были не более, чем названия или понятия, чистая вербализация для утилитарных и научных целей уже после совершения события. Событием же был этот непрерывный ряд лазурных топок, разделенных бездонными пропастями горечавки. Оно вызывало невыразимое удивление - удивление, почти граничащее с ужасом. И внезапно я уловил намек на то, что значит быть сумасшедшим. У шизофрении есть свой рай, точно так же, как ад и чистилище. Я помню, что один старый друг, умерший много лет назад, рассказывал мне о своей душевнобольной жене. Однажды на ранней стадии болезни, когда у нее периодически еще был ясный ум, он отправился в больницу поговорить с ней о детях. Она слушала его какое-то время, а потом резко оборвала, Как он смеет тратить время на пару отсутствующих тут детей, когда в действительности, здесь и сейчас, играет роль лишь невыразимая красота узоров, которые он создает своим коричневым твидовым пиджаком всякий раз, когда двигает руками? Увы, этот рай очищенного восприятия, чистого одностороннего созерцания длился недолго. Полные блаженства паузы становились все короче, происходили все реже, пока, наконец, их вообще не стало: остался только ужас. Большинство принимающих мескалин переживают только райскую составляющую шизофрении, Наркотик приносит ад и чистилище только тем, кто недавно перенес желтуху либо страдает от периодических депрессий или хронических нервных расстройств. Если бы мескалин, как другие, сравнимые с ним по силе наркотики, был заведомо токсичен, его принятия было бы достаточно самого по себе, чтобы вызвать нервное расстройство, Но достаточно здоровый человек знает наперед, что, по отношению к нему, мескалин совершенно безвреден и что его воздействие пройдет через восемь-десять часов, не оставив похмелья, а следовательно, желания принять новую дозу. Поддерживаемый этим знанием, он идет на эксперимент без страха другими словами, без какой-либо предрасположенности превращать невиданно странное и отличное от обычного человеческого опыта в нечто отвратительное, нечто действительно дьявольское.

Столкнувшись со стулом, который напоминал Страшный Суд,- или, точнее, со Страшным Судом, который через длительное время и со значительными трудностями я распознал как стул,-я тотчас же обнаружил себя на грани паники. Я внезапно ощутил, что все зашло чересчур далеко. Чересчур далеко даже хотя произошел заход в насыщеннейшую красоту, в глубочайшую значимость. Как я проанализировал позднее, это страх быть сокрушенным, страх распада под давлением реальности более огромной, чем может вынести разум, привыкший жить большую часть времени в уютном мире символов. Литература о религиозном опыте изобилует ссылками на боль и ужас, сокрушающих тех, кто оказался

слишком внезапно лицом к лицу с каким-то проявлением *Mysterium tremendum* (ужасная тайна (лат.)). На языке теологии этот страх соответствует несовместимости человеческого эгоизма и божественной чистоты, усугубляющейся изолированности человека и бесконечности Бога. Вслед за Бёме и Вильямом Лоу мы можем сказать, что для непереродившихся душ божественный Свет в своем полном блеске может восприниматься только как горение, как очистительный огонь. Почти тождественную доктрину можно найти в "Тибетской книге мертвых", где душа умершего описывается как избегающая в муках Чистого Света Пустоты и даже меньшего, более умеренного Света для того, чтобы стремглав броситься в успокаивающую тьму самости в виде вновь рожденного человека или даже зверя, несчастного призрака, обитателя ада. Все что угодно, только не палящая яркость абсолютной Реальности-все что угодно!

Шизофреник - это душа не просто непереродившаяся, но к тому же безнадежно больная. Его болезнь заключается в неспособности найти убежище от внутренней и внешней реальности (что психически здоровый человек обычно делает) в доморощенной вселенной здравого смысла - строго человеческого мира полезных понятий, обобщенных символов и социально принятых условностей. Шизофреник напоминает человека, постоянно находящегося под воздействием мескалина, и поэтому он не способен изолировать переживание реальности, для которой он недостаточно свят, которую он не может объяснить, потому что это самый упрямый из первичных фактов, и которая, поскольку она никогда не позволит ему посмотреть на мир чисто человеческим взглядом, пугает его, заставляя истолковывать ее неослабную странность, яркое горение ее значимости как проявления человеческой или даже космической злобы и обращаясь к самым отчаянным контрмерам: от кровавого насилия на одном конце шкалы до кататонии или психологического самоубийства - на другом. А хотя бы раз отправившись вниз по inferнальной дороге, человек никогда не будет в силах остановиться, Теперь это было слишком очевидно. Если бы ты пошел не тем путем,- сказал я в ответ на вопрос исследователя,- все случившееся стало бы доказательством заговора против тебя. Все само собой это бы подтверждало, Нельзя было бы вздохнуть, не поняв тут же, что это часть злодейского плана. Так, на ваш взгляд, вы знаете, где находится безумие? Ответ мой был уверенным и прочувствованным: Да. А вы не смогли бы им управлять? - Нет, я не смог бы им управлять. Если начать, в качестве главных посылок, со страха и ненависти, пришлось бы идти до конца. Ты был бы в силах зафиксировать свое внимание на том, что "Тибетская книга мертвых" называет Чистым Советом? - спросила жена. Я был в сомнении.

Можно ли было бы не подпускать к себе зло, если бы ты смог его удержать? Или ты был бы не в силах его удерживать? Какое-то время я обдумывал этот вопрос. - Вероятно, - ответил я наконец, я смог бы- но только если там был бы кто-то, рассказывающий мне о Чистом Свете.

Нельзя сделать это в одиночку, Полагаю, именно в этом суть тибетского ритуала - кто-то сидит там все время и рассказывает что к чему.

Прослушав записи бесед этой части эксперимента, я взял с полки свой экземпляр "Тибетской книги мертвых", изданной Эвансом-Венцем, и открыл наугад, "О благороднорожденный, не позволяй своему разуму расстраиваться". Вот в чем проблема - не допускать расстройств. Не расстраиваться из-за воспоминаний о былых грехах, из-за воображаемых наслаждений, из-за горького послевкусия старых ошибок и унижений, из-за всех страхов, ненависти и желаний, которые обычно затмевают Свет. Разве не мог бы современный психиатр делать для душевнобольных то, что буддистские монахи делали для умирающих и умерших? Пусть будет голос, заверяющий их днем, и даже когда они спят, что несмотря на весь ужас, все смятение и недоумение, предельная Реальность непоколебимо остается сама собой и состоит из той же субстанции, что и внутренний свет наиболее жестоко терзаемого разума. С помощью таких устройств, как магнитофоны, таймеры, системы общественного оповещения и встроенные в подушки громкоговорители было бы очень легко постоянно напоминать обитателям лечебного заведения, даже страдающего от нехватки персонала, об этом изначальном факте. Вероятно, таким образом можно было бы помочь некоторым из потерявшихся душ достичь определенной степени контроля над вселенной - одновременно прекрасной и отвратительной, но всегда отличной от человеческой, всегда полностью непостижимой,- в которой они обречены жить. Не так уж быстро меня увели от беспокойного великолепия садового стула. Свисая с ограды зелеными параболлами, ветви плюща испускали тусклое нефритовое излучение. Мгновение спустя в поле моего зрения взорвалась группа роз сорта "Раскаленная докрасна кочерга" - в полном

цвету. Столь пыльные и чуткие, что казались приблизившимися к обретению дара слова, цветы тянулись вверх, в голубизну. Я посмотрел на листья и обнаружил запутанный лабиринт самой изысканной игры зеленой светотени, пульсирующей неразгадываемой тайной.

Вот розовый куст:
Легко написать цветы,
Листья труднее.

Хайку Сики косвенно выражает именно то, что я тогда ощущал - чрезмерное, слишком очевидное великолепие цветов в контрасте с более тонким чудом их листьев.

Мы вышли на улицу. У тротуара стоял большой бледно-голубой автомобиль. При виде его меня внезапно охватило невероятное веселье. Какое самодовольство, какая абсурдная удовлетворенность самим собой лучилась с выпуклых, лоснящихся от эмали поверхностей! Человек сотворил эту вещь по своему образу и подобию - или, скорее, по образу и подобию своего любимого литературного героя, Я смеялся до слез, мы вновь вошли в дом. Подали обед. Некто, кого я все еще не отождествлял с самим собой, набросился на еду с волчьим аппетитом. Я взирал на него со значительного расстояния и без особого интереса.

Пообедав, мы сели в машину и поехали по городу. Воздействие мескалина было уже на спаде, но цветы в садах по-прежнему трепетали на границе сверхъестественного, перечные и рожковые деревья вдоль улиц по-прежнему явно принадлежали какой-то священной роще. Эдем чередовался с Додоной, Иггдрасиль - с мистической Розой, А потом внезапно мы оказались на пересечении с бульваром Сансет. Перед нами непрерывным потоком катились машины - тысячи машин, все яркие и сверкающие, как мечта рекламного буклета, и каждая следующая более смехотворная, чем предыдущая. Еще раз я зашелся смехом.

Черное море транспорта наконец расступилось, и мы пересекли бульвар и попали в еще один оазис с деревьями, лужайками и розами. Через несколько минут мы въехали на наблюдательную площадку, расположенную на холме, а под нами раскинулся город. К моему разочарованию, он очень напоминал город, который я уже видел при других обстоятельствах. Что касается меня, то преобразование оказалось пропорциональным расстоянию. Чем ближе, тем более божественно. Эта широкая, туманная панорама едва ли отличалась от самой себя.

Мы поехали дальше, и пока мы находились на холмах с одним дальним планом, следующим за другим, значимость находилась на своем обыденном уровне, намного ниже точки преобразования. Магия вновь начала действовать лишь тогда, когда мы завернули в новостройки и заскользили между двумя рядами домов. Здесь, несмотря на своеобразную отвратительность архитектуры, произошло возобновление трансцендентальной инаковости, появились намеки на утренний рай. Кирпичные дымовые трубы и зеленые наборные крыши сияли на солнце как фрагменты Нового Иерусалима. И тотчас же я увидел то, что видел Гварди и (с каким несравненным умением!) так часто передавал в своей живописи - оштукатуренная стена с ложающейся на нее косою тенью, чистая, но незабываемо прекрасная, пустая, но наполненная смыслом и тайной бытия, Откровение возшло и вновь исчезло в мгновение ока. Машина двигалась дальше.' Время снимало покров с еще одного проявления

вечной Таковости, "Внутри тождественности существует различие. Но то, что различие должно отличаться от тождественности, никоим образом не является целью всех Будд. Их цель - как целокупность, так и различие". Например, эта насыпь с красной и белой геранью - она совершенно отлична от оштукатуренной стены в ста ярдах отсюда. Но "есть-ность" обеих - одна и та же, они тождественны, вечное свойство их мимолетности одно и то же. А час спустя, проехав еще с десяток миль и посетив "Самую большую в мире аптеку", мы вернулись домой, а я возвратился к тому спокойному, но глубоко неудовлетворительному состоянию, известному как "нахождение в здоровом уме".

Кажется весьма маловероятным, что человечество в целом сможет когда-либо обходиться без Искусственного Рая. Большинство людей ведут жизнь в худшем случае столь мучительную, а в лучшем случае столь монотонную, скудную и ограниченную, что побуждение к побегу, стремление превзойти самих себя хотя бы на несколько мгновений являются и всегда являлись основополагающими потребностями души. Искусство и религия, карнавалы и сатурналии, танцы и слушанье ораторий-все это служило, по выражению Герберта Уэллса, Дверями в Стене. А для частного, повседневного использования всегда существовали химические одурманиватели. Все растительные успокаивающие средства и

наркотики, все эйфорики, собираемые на деревьях, галлюциногены, созревающие в ягодах или выжимаемые из корней - все без исключения были известны и систематически использовались человеческими существами с незапамятных времен. А к этим естественным модификаторам сознания современная наука добавила свою долю синтетических, - например хлорал, бензедрин, бромиды и барбитураты.

Большинство этих модификаторов сознания теперь можно принимать только по предписанию врача или нелегально и со значительным риском. На Западе разрешено неограниченное употребление только алкоголя и табака. Все остальные химические Двери в Стене именуются Дурью, а принимающие их без разрешения - Дуриками.

Сейчас мы тратим гораздо больше на выпивку и курево, чем на образование. Конечно же, это неудивительно. Побуждение бежать из самости и окружающей обстановки существует почти в каждом и почти все время, Побуждение сделать что-нибудь для юношества сильно только в родителях, да и то лишь в течение нескольких лет, пока их дети ходят в школу. Равным образом неудивительно теперешнее отношение к выпивке и курению. Несмотря на растущую армию безнадежных алкоголиков, несмотря на сотни тысяч людей еж:егодно травмируемых или гибнущих из-за пьяных водителей, популярные комики по-прежнему откалывают шуточки по поводу алкоголя и пристрастившихся к нему, И несмотря на доказательства связи сигарет с раком легких, практически все считают табакокурение почти таким же нормальным, как принятие пищи, С точки зрения рационалиста-утилитариста это может показаться странным, Для историка это именно то, чего и следовало ожидать. Твердое убеждение в материальной реальности Ада никогда не мешало средневековым христианам делать то, что подсказывали им честолюбие, похоть или алчность, Рак же легких, аварии на дорогах и миллионы несчастных и создающих несчастья алкоголиков являются фактами даже менее несомненными, чем являлся в дни Данте факт существования Ада. Но все подобные факты настолько далеки и несущественны по сравнению с близким, осязаемым фактом стремления, здесь и сейчас, к облегчению страданий или к покою, желания выпить или закурить.

Наш век - это, наряду с другими вещами, век автомобиля и роста народонаселения. Алкоголь несовместим с безопасностью на дорогах, а его производство, как и табака, обрекает на фактическое бесплодие множество миллионов акров самой плодородной земли. Само собой разумеется, что проблемы, понимаемые алкоголем и табаком не могут решаться простым запретом. Универсальное и вездесущее побуждение превзойти свое "я" не будет отменено захлопыванием ныне популярных Дверей в Стене. Единственно разумная политика - отворить другие, более пригодные двери в надежде склонить людей к замене старых дурных привычек на новые и менее вредные. Одни из этих, более пригодных дверей будут по своей природе социальными и технологическими, другие - религиозными или психологическими, третьи-диетическими, образовательными или спортивными. Но потребность в повторяющихся химических отпусках от невыносимой самости и отталкивающего окружения, без сомнения, сохранится. Необходим новый наркотик, который будет успокаивать и утешать наш страдающий род и приносить в конечном итоге не больше вреда, чем он принесет добра в начале. Подобный наркотик должен быть сильнодействующим в минимальных дозах и легко синтезируемым, Если он не обладает такими свойствами, его изготовление, как изготовление вина, пива, крепких напитков и табачных изделий будет мешать обязательному росту производства пищевых продуктов и древесного волокна. Он должен быть менее токсичен, чем опиум или кокаин, менее связан с нежелательными социальными последствиями, чем алкоголь или барбитураты, менее неблагоприятен для сердца и легких, чем смолы и никотин сигарет. А, с положительной стороны, он должен производить изменения в сознании более интересные, по своей природе более ценные, чем простой покой или сон, иллюзия всемогущества или освобождение от запретов.

Для большинства людей мескалин почти совершенно безвреден, В отличие от алкоголя он не доводит принимающего его до несдержанных поступков, которые имеют своим итогом ссоры и скандалы, насилие и преступления, автомобильные катастрофы. Человек, находящийся под воздействием мескалина, тихо занимается своим делом, Более того, дело, которым он занимается,- это переживание самого что ни на есть просветляющего свойства, за которое не надо расплачиваться (и это, разумеется, существенно) возмещающим похмельем. О далеко идущих последствиях регулярного употребления мескалина мы знаем очень мало. Не похоже, что индейцы, употребляющие бутоны пейотля, из-за этой привычки вырождаются физически или нравственно. Однако доступные

свидетельства по-прежнему весьма скудны и отрывочны. В своей монографии "Пейотлизм у индейцев мено-мини", опубликованной в декабре 1952 г. в "Трудах Американского философского общества", профессор Дж. С. Слоткин писал, что "регулярное употребление пейотля, по-видимому, не вызывает какой-либо повышенной толерантности или зависимости. Я знаю множество людей, которые были пейотлистами в течение сорока-пятидесяти лет. Количество употребляемого пейотля зависит от торжественности случая.

В основном, они сейчас не принимают больше пейотля, чем много лет назад. К тому же порой интервалы между ритуалами составляют больше месяца, и они обходятся без пейотля, не ощущая какой-либо тяги к нему. Лично я, даже после ряда ритуалов, происходивших четыре уик-энда подряд, не увеличивал количество потребляемого пейотля и не чувствовал необходимости в нем". Очевидно, резонно, что "пейотль никогда легально не объявлялся наркотиком и его употребление не запрещалось федеральным правительством". Однако "за долгую историю контактов индейцев и белых белые чиновники обычно пытались пресечь употребление пейотля, поскольку оно якобы оскорбляло их нравы. Но все попытки проваливались". В подстрочном примечании д-р Слоткин добавляет, что "забавно слышать фантастические истории о воздействии пейотля и природе этого ритуала, которые рассказывают в резервации белые и индейцы-католики. Ни один из них не обладает ни малейшим опытом в отношении растения или религии, однако некоторые воображают себя авторитетами и пишут официальные отчеты на эту тему".

Хотя ясно, что мескалин стоит выше кокаина, опиума, алкоголя и табака, это еще не идеальный наркотик, Наряду с благополучно преобразуемым большинством существует меньшинство принимающих мескалин, которое находит в наркотике лишь ад или чистилище. Более того, для наркотика, предназначенного, как и алкоголь, для всеобщего употребления, его воздействие длится неподходяще долгое время. Но химия и физиология способны сегодня практически на все. Если психологи и социологи определяют идеал, можно быть уверенным, что неврологи и фармакологи обнаружат средства, которыми этот идеал может быть реализован или, по крайней мере (ибо, вероятно, такой идеал, по самой природе вещей, никогда не сможет быть полностью реализован), которые приблизят к нему больше, чем питье вина и виски, курение марихуаны и глотание барбитуратов.

Побуждение превзойти осознающую себя самость является, как я уже сказал, основополагающей потребностью души. Когда, по какой бы то ни было причине, людям не удастся превзойти самих себя посредством поклонения, добрых дел и духовных упражнений, они склонны обращаться за помощью к химическим суррогатам религии - алкоголю и "колесам" на современном Западе, алкоголю и опиуму на Востоке, гашишу в мусульманском мире, алкоголю и марихуане в Центральной Америке, алкоголю и коке в Андах, алкоголю и барбитуратам в более современных районах Южной Америки. В книге "Священные отравы и божественное опьянение" Филипп де Фелис написал обстоятельно и, обильно цитируя документы, о древней связи религии и приема наркотиков. Вот, в виде резюме или в прямых цитатах, его выводы. Использование для религиозных целей токсичных веществ "чрезвычайно широко распространено... Практики, изученные в этой книге, можно наблюдать во всех районах земного шара - как среди диких народов, так и среди достигших вершин цивилизации, Поэтому мы имеем дело не с исключительными фактами, которыми справедливо можно было бы пренебречь, но с общим, в самом широком смысле слова, человеческим феноменом - таким феноменом, который не может проигнорировать кто-либо, пытающийся выяснить, что такое религия и какие глубочайшие потребности она должна удовлетворять". В идеале каждый должен быть способен найти превосхождение себя в какой-либо форме чистой или прикладной религии. На практике кажется весьма маловероятным, что подобное осуществление надежд будет когда-либо реализовано. Есть, и несомненно всегда будут, хорошие церковники, для которых, к несчастью, одной набожности недостаточно. Покойный Дж. К. Честертон, написавший о выпивке, по крайней мере, так же лирично, как и о поклонении, может служить их красноречивым глашатаем.

Современные церкви, с некоторыми исключениями среди протестантских сект, терпимо относятся к алкоголю. Но даже самые терпимые не делают попыток обратить наркотик в христианскую веру или освятить его употребление, Благочестивый пьяница вынужден принимать религию в одном помещении, а суррогат религии - в другом. И, вероятно, это неизбежно. Пьянство не может быть частью религиозного обряда, за исключением религий, которые не придают большого значения внешним приличиям. Почитание Диониса или кельтского бога пива было шумным и беспорядочным действием. Христианские обряды несовместимы даже с благоговейным пьянством. Оно не приносит

вреда винокурам, но очень дурно для христианства. Бесчисленное количество людей желают превзойти себя и были бы рады достичь этого в церкви, Но, увы, "голодные овцы поднимают головы, но их не кормят". Они принимают участие в обрядах, они слушают проповеди, они повторяют молитвы. Но их жажда остается неутоленной. Разочарованные, они обращаются к бутылке. По крайней мере, какое-то время и в каком-то отношении это действует. Церковь можно по-прежнему посещать. Но это не больше, чем "Музыкальный банк" в "Едгине" Батлера, Бога можно по-прежнему признавать. Но Он есть Бог лишь на вербальном уровне, лишь в строго пиквикском смысле. Эффективный же предмет почитания - бутылка, и единственное религиозное переживание - состояние несдержанной и воинственной эйфории, которое следует за выпиванием третьего стакана.

Значит, мы видим, что христианство и алкоголь несочетаемы и не могут сочетаться. Христианство и мескалин, по-видимому, гораздо более совместимы. Это было продемонстрировано многими племенами индейцев - от Техаса до Висконсина. Среди этих племен можно найти группы, присоединившиеся к "Исконной американской церкви" - секте, основной ритуал которой напоминает агапу первохристиан, или вечерю любви, где куски пейотля занимают место священных хлеба и вина. Исконные американцы считают кактус особым даром Бога индейцам и сравнивают его воздействие с деяниями божественного Духа.

Профессор Дж. С. Слоткин - один из немногих белых, когда-либо участвовавших в обрядах пейотлистской конгрегации - говорит о поклонявшихся вместе с ним, что они "определенно не пьяны, а их чувства и ум не притуплены... Они никогда не сбиваются с ритма и не мямлят слова, как делали бы пьяные... Они все спокойны, учтивы и считаются друг с другом. Я ни разу не был ни в одном молельном доме белых, где наблюдалось бы столько религиозного чувства и внешних приличий". И что же, можем мы спросить, переживают эти благочестивые и благонравные пейотлисты?

Неумеренное ощущение добродетели, поддерживающее среднего прихожанина по воскресеньям в течение девяноста минут откровенной скуки. Даже не те возвышенные чувства, вызванные мыслями о Творце и Искупителе, Судье и Утешителе, которые вдохновляют самых набожных. Для исконных американцев религиозное переживание есть нечто более непосредственное и озаряющее, более спонтанное, а не доморощенный продукт осознающего себя разума. Иногда (согласно сообщениям, собранным д-ром Слоткином) у них бывают видения - возможно, Самого Христа. Иногда они слышат голоса Великого Духа.

Иногда им становится известно о присутствии Бога и о тех личных недостатках, которые должны быть исправлены, если они выполняют Его волю. Практические последствия таких химических отворений дверей в Иной Мир кажутся всецело полезными, Д-р Слоткин сообщает, что завзятые пейотлисты в целом более трудолюбивы, более воздержанны (многие из них вообще отказались от алкоголя), более миролюбивы, чем непейотлисты, Дерево с такими приятными плодами нельзя опрометчиво осуждать как зло.

Причислив к религии употребление пейотля, индейцы "Исконной американской церкви" сделали нечто, одновременно являющееся психологически здоровым и исторически приемлемым. В первые века христианства множество языческих обрядов и празднеств были, так сказать, окрещены и стали служить целям церкви. Эти увеселения не были особо поучительны, но они утоляли определенный психологический голод, и первым миссионерам, вместо того чтобы пытаться их пресечь, хватило благоразумия воспринять их такими, каковыми они являются,- удовлетворяющими душу выражениями фундаментальных побуждений,-и вплести их в ткань новой религии. Сделанное исконными американцами, в сущности, то же самое. Они взяли языческий обычай (обычай, между прочим, более возвышающий и просвещающий, нежели большинство довольно-таки грубых зрелищ и пирушек, воспринятых от европейского язычества) и придали ему христианское значение.

Поедание пейотля, хотя лишь недавно введенное в употребление на Севере Соединенных Штатов, и основанная на нем религия, стали важными символами права краснокожих на духовную независимость, Одни индейцы реагируют на верховенство белых, американизируясь, другие - отходя к традициям индейцев. Но некоторые стараются взять все лучшее у обоих миров, а на самом деле у всех миров - лучшее из традиций индейцев, лучшее из христианства и лучшее из тех Иных Миров трансцендентального опыта, где душа познает себя, как ничем необусловленную - одной природы с божественным. Отсюда происходит "Исконная американская церковь". В ней две великие потребности души: побуждение к независимости и самоопределению и побуждение к превосхождению себя - слились с третьей и истолковывались в ее свете, с побуждением к поклонению, к

оправданию перед человеком путей Господних, к объяснению вселенной средствами доступной теологии.

Вот индеец-невежда, чей разум рад прикрыть спереди стыд, но оголить зад. На самом деле именно мы, богатые и высокообразованные белые, оголили зад. Мы прикрываемся спереди какой-нибудь философией - христианской, марксистской, фрейд-физикалистской - но сзади остаемся раздетыми, находящимися во власти случайных ветров. Индейцу-невежде, с другой стороны, хватает ума защитить себя сзади, добавив фиговый листок теологии вместе с набедренной повязкой трансцендентального опыта.

Я не настолько глуп, чтобы приравнивать происходящее под воздействием мескалина или любого другого наркотика, который приготавливают сейчас или станут приготавливать в будущем, к осуществлению намерения и предельной цели человеческой жизни: Просвещения, Блаженного Видения. Я лишь предполагаю, что мескалинное переживание-это то, что католические теологи называют "дарованной благодатью", - не обязательное для спасения, но потенциально полезное и по возможности с благодарностью принимаемое. При желании сойти с накатанной колеи обыденного восприятия, видеть в течение нескольких часов внешний и внутренний мир не таким, каким он является животному, одержимому борьбой за выживание, или человеку, одержимому словами и понятиями, но таким, каким он постигается, непосредственно и безусловно, Всемирным Разумом - подобное переживание имеет неизмеримую ценность для каждого, а в особенности для интеллектуала. Ибо интеллектуал, по определению, это человек, для которого, пользуясь выражением Гёте, "слово в сущности плодотворно", Он является человеком, ощущающим, что "воспринимаемое глазом нам чуждо как таковое и глубоко нас не впечатляет". И однако, будучи сам интеллектуалом и одним из непревзойденных мастеров языка, Гёте не всегда соглашался с собственной оценкой слова. "Мы говорим,- писал он в середине жизни, - чересчур много. Мы должны меньше говорить и больше рисовать. Лично я хотел бы вообще отказаться от речи и, как органическая Природа, сообщить все, что мне нужно сказать, в набросках, Та смоковница, эта маленькая змея, кокон у меня на подоконнике, тихо ожидающий своего будущего,- все это имеющие важное значение знаки. Человек, способный разгадать их смысл надлежащим образом, вскоре станет способен вообще освободиться от написанного или произнесенного слова. Чем больше я об этом думаю, тем больше мне открывается в речи нечто поверхностное, посредственное и даже (искушает меня сказать) пустое, И наоборот, как пугает вас серьезность Природы и ее молчание, когда вы, не отвлекаясь на что-либо другое, сталкиваетесь с ней лицом к лицу - стоя перед бесплодным горным кряжем или среди запустения древних холмов", Мы никогда не сможем освободиться от языка и других символических систем, поскольку посредством них, и только посредством них, мы поднялись над животными и достигли уровня человека. Но мы с легкостью можем стать как жертвами, так и иждивенцами этих систем. Мы должны научиться эффективно управлять словами. Но в то же самое время мы должны сохранить и, если необходимо, усилить свою способность смотреть на мир непосредственно, а не через полупрозрачную среду понятий, которые, искажая, превращают каждый данный факт в чересчур хорошо знакомое подобие какого-нибудь родового ярлыка или объяснительной абстракции.

Все наше образование, будь то литературное или естественнонаучное, либеральное или специальное, преимущественно вербально, и поэтому ему не удастся достичь должного результата. Вместо превращения детей в полностью развитых взрослых оно выпускает студентов естественнонаучных факультетов, которым совершенно неизвестна естественная Природа в качестве первичного факта переживания, оно навязывает миру студентов-гуманитариев, которые ничего не знают о гуманности, о человеческой сущности - ни о своей собственной, ни кого-либо другого.

Гештальт-психологи, такие как Сэмюэль Реншоу, разработали методы расширения диапазона и увеличения остроты человеческого восприятия. Но применяют ли их наши преподаватели? Ответ только один - "нет".

Учителя во всех сферах психофизического мастерства - от умения видеть до тенниса, от хождения по канату до чтения молитв - обнаружили методом проб и ошибок условия оптимального функционирования внутри своих специальных областей. Но разве хоть один из крупных фондов финансировал проект координации этих эмпирических находок и сведения их в общую теорию и практику повышенной творческой активности? Вновь, насколько мне известно, ответ только один - "нет".

Оккультисты и экстрасенсы всех толков учат всевозможным способам достижения здоровья, удовлетворения и душевного покоя, и для немалой части их аудитории многие из

этих способов очевидно эффективны. Но видим ли мы, чтобы заслуживающие уважения психологи, философы и Церковники смело спускались в эти диковинные и порой зловонные моря, на дне которых зачастую обречена находиться бедная Истина? Еще раз ответ только один - "нет".

А теперь взглянем на историю изучения мескалина. Семьдесят лет тому назад люди недюжинных дарований описали трансцендентальные переживания, которые испытывают те, кто при хорошем состоянии здоровья, при соответствующих условиях и находясь в здравом уме, принимает этот наркотик. Сколько философов, сколько теологов, сколько профессиональных педагогов полюбопытствовало открыть эту Дверь в Стене? Для всех практических целей ответ только один - "нисколько".

В мире, где обучение преимущественно вербально, высокообразованные люди находят невозможным уделять серьезное внимание чему-либо, кроме слов и понятий. Всегда есть деньги и докторские степени для дурацких научных исследований того, что для ученых является наиважнейшей проблемой. Кто на кого влияет при определении порядка - что когда? Даже в наш век технологии вербальные гуманитарные науки - в почете. Невербальные гуманитарные науки, искусство непосредственного знания о данных фактах нашего бытия почти полностью игнорируются. Каталог, библиография, полное издание *ipsissima verba* (доподлиннейшие слова (лат.).- Примеч. пер.) третьеразрядного рифмоплета, громадный указатель, подытоживающий все указатели - любой поистине александровский проект наверняка одобряется и получает финансовую поддержку. Но когда дело доходит до того, чтобы выяснить, как вы и я, наши дети и внуки способны стать более восприимчивыми, больше узнать о внутренней и внешней реальности, быть более открытыми Духу, стать менее расположенными к заболеваниям физическим, частым из-за небрежного лечения психических недугов и более умело управлять собственной, автономной нервной системой, - когда дело доходит до любой формы невербального обучения, более фундаментального (и более пригодного для практического использования), чем упражнения на шведской стенке, ни один по-настоящему заслуживающий уважения человек ни в одном по-настоящему заслуживающем уважения университете ничего по этому поводу не сделает. Вербалисты с подозрением относятся к невербалистам, рационалисты страшатся данных, нерациональных фактов, интеллектуалы ощущают, что "воспринимаемое глазом (или любым другим способом) нам чуждо как таковое и глубоко нас не впечатляет". Кроме того, вопрос обучения невербальным гуманитарным наукам не лезет ни в один из существующих канцелярских ящиков. Это же не религия, не неврология, не гимнастика, не мораль или гражданское право, даже не экспериментальная психология. Суть в том, что для академических и проповеднических целей этого не существует, и оно может быть без опасений вообще проигнорировано или оставлено с покровительственной улыбочкой тем, кого фарисеи от вербальной ортодоксии называют чудаками, знахарями, шарлатанами и неквалифицированными дилетантами.

"Я всегда обнаруживал,- с горечью писал Блейк,- что ангелы тщеславно говорят о себе как о единственно мудрых. Это они делают с наглой самоуверенностью, проистекающей из систематических рассуждений". Систематические рассуждения - это нечто, без чего мы, как род и как индивидуумы, не смогли бы обойтись. Но, вероятно, не можем мы обойтись, если хотим остаться психически здоровыми, и без непосредственного восприятия - чем несистематичнее, тем лучше-внутреннего и внешнего миров, в которых мы рождены. Эта данная реальность есть бесконечность, которая превосходит любое понимание и однако допускает непосредственное и, некоторым образом, полное постижение. Это трансцендентность, принадлежащая к порядку, отличному от человеческого, и однако она может быть представлена нам в качестве ощущаемой имманентности, переживаемого соучастия. Быть просветленным значит знать - всегда - о целокупной реальности в ее имманентной инаковости, знать о ней, но однако оставаться в состоянии бороться за выживание, как животное, думать и чувствовать, как человек, и обращаться, когда целесообразно, к систематическим рассуждениям. Наша цель - обнаружить, что мы всегда находились там, где нам следует находиться. К несчастью, мы поставили для себя чрезвычайно сложную задачу. Впрочем, существует дарованная благодать в виде ее частичных или мимолетных осуществлений. При более реалистичной, менее вербальной системе образования, чем наша, каждый ангел (в блейковском смысле слова) награждался бы, в качестве субботней экскурсии, побуждался и даже, если необходимо, принуждался к совершению время от времени путешествия через какую-нибудь химическую Дверь в Стене в мир трансцендентального опыта. Если бы тот устрасил его, это было бы достойно

сожаления, но, вероятно, благотворно, Если бы тот принес ему кратковременное, но вневременное озарение, то это было бы гораздо лучше. В любом случае, ангел потерял бы чуточку наглой самоуверенности, проистекающей из систематических рассуждений и сознания, что им прочитаны все книги,

Ближе в конце жизни Аквинат пережил Вселённое Созерцание. После этого он отказался возвращаться к работе над незаконченной книгой. По сравнению с этим, все, что он читал, писал и о чем спорил-Аристотель, Предложения, Утверждения, Вопросы, величественные Суммы - было не лучше мякины с соломой. Для большинства интеллектуалов подобная сидячая забастовка показалась бы неблагоприятной, даже нравственно неверной, Но Ангельский Доктор провел больше систематических рассуждений, чем любые двенадцать рядовых ангелов, и уже созрел для смерти. Он заслужил право в те последние месяцы своей брэнной жизни обратиться от чисто символических мякины с соломой к хлебу действительного и существенного Факта. Для ангелов нижнего порядка лучшими перспективами на долголетие должен произойти возврат к мякине. Но человек, возвращающийся через Дверь в Стене, никогда не будет точно таким, каким он туда вошел. Он будет более мудрым, но менее самоуверенным, более счастливым, но менее удовлетворенным собой, будет скромнее, признавая свое невежество, однако будет подготовлен для понимания связи слов с вещами и систематических рассуждений с непостижимой Тайной, которую они пытаются всегда тщетно - ухватить.